

СЕПАРАТИЗМ В БЕЛЬГИИ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВАЛЛОНО-ФЛАМАНДСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Егор СЕРГЕЕВ

МГИМО МИД России

Аннотация: Настоящее исследование посвящено ретроспективному анализу развития проблемы сепаратизма в Бельгии в контексте существующего этнического конфликта между фламандцами и валлонами и представляет собой очерк исторической и современной динамики проблемы. Цель исследования – выявить факторы, которые способствовали обострению этнического конфликта и институционализации сепаратизма, а также влияли на дальнейшую трансформацию сепаратистского дискурса в стране. Для достижения цели автором задействуется междисциплинарный подход с использованием исторических, политологических и экономических категорий и методов. Методологическую основу работы составляют современные теоретические воззрения на типы и причины сепаратистских настроений, а также варианты и стратегии купирования проблемы. Исследование опирается на качественные исторические методы, в нем также используется статистический анализ, задействуются данные социологических опросов, анализируется широкий пласт документов, включая программы политических партий.

Можно утверждать, что на эволюцию этнического сепаратизма в Бельгии повлияли следующие факторы: языковое разделение (как фундаментальная предпосылка конфликта), фактор элит (определявших основной вектор движения сепаратистского дискурса), внешний фактор (способствовавший оформлению фламандского сепаратизма), экономический фактор (придавший стимул институционализации разделения страны) и сам «институциональный» фактор. Под последним понимается формирование в стране фактически изолированных друг от друга этнических групп за счет развития полноценной системы региональных институтов и институтов сообществ. Этот фактор представляется крайне важным, поскольку он способствовал «замораживанию» этнического конфликта и одновременно инкорпорировал в систему консоциативной демократии большое количество дисбалансов, связанных с этническим разделением. В результате стабилизация конфликта и купирование сепаратистских настроений достигнуты за счет дестабилизации центральной власти в стране. В современной политической системе сепаратистский дискурс крайне сильно инструментализирован. Вопросы

Егор Александрович Сергеев – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, старший научный сотрудник Центра европейских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID 0000-0001-9964-9595. E-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.01.2024

Принята к публикации: 25.02.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Автор благодарит за помощь в подготовке рукописи и ценные комментарии директора Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России В.В. Воротникова и аналитика Центра европейских исследований ИМИ МГИМО МИД России И.В. Киселеву.

разделения страны и реформирования государственного устройства постепенно отходят на второй план из-за появления новых (миграция, экономический кризис, антиистеблишментарные настроения) проблем и изменения приоритетов правых политических сил.

Ключевые слова: сепаратизм, Бельгия, федерализация, Фландрия, Валлония, этнический конфликт, партийно-политическая система

Введение

Проблема бельгийского (правильнее сказать, фламандского) сепаратизма отражает особенности трансформации современного сепаратистского дискурса и фактическое превращение его в инструмент внутренней политики во многих европейских странах. Она также наглядно демонстрирует особенности политического процесса в самой Бельгии. Сепаратизм здесь является во многом естественным продолжением исторических тенденций и существующих противоречий. Вместе с тем, в современных условиях он не обладает такой степенью остроты и конфликтности, как в предшествующие временные периоды.

Целью настоящего исследования является определение общей логики трансформации сепаратистского дискурса в Бельгии и выявление его роли в текущих условиях. Представляется, что на данный момент этот вопрос довольно сильно мифологизирован, учитывая количество публикаций в СМИ на тему скорого распада государства. Выявление же факторов, которые, с одной стороны, усиливали остроту этнических противоречий, а с другой – не привели к серьезной радикализации конфликта и в настоящий момент поддерживают своеобразный статус-кво, может способствовать получению объективной картины потенциальных последствий и угроз, которые несет актуальное состояние проблемы сепаратизма в стране¹.

Проблема сепаратизма в Бельгии: методологические аспекты

С одной стороны, этнический сепаратизм довольно хорошо изучен. С другой стороны, в реальности он по-прежнему может принимать разнообразные и довольно причудливые формы, иметь различные причины возникновения и специфику трансформации, что провоцирует появление множества трактовок как самого понятия, так и схожих с ним феноменов (Прохоренко, 2018). Проявления сепаратизма могут иметь вид артикулируемых притязаний на независимость и образование собственного центра власти (т.н. индепендизм) или присоединение к другому территориальному образованию

¹ В настоящем исследовании сознательно выводится за скобки вопрос членства Бельгии в ЕС как аргумента в пользу сохранения территориальной целостности страны, чтобы продемонстрировать внутристрановую специфику рассматриваемых вопросов, а также избежать погружения в вопросы, связанные с влиянием интеграции на потенциальный рост сепаратистских настроений, что не является предметом данной статьи.

(т.н. ирредентизм) (Осколков, 2021). В отдельных случаях к сепаратистским настроениям относят также требования большей автономии соответствующих территориальных образований (Heraclides, 2002). В современных условиях важную роль играет также инструментальный сепаратизм (Нарочницкая, 2015), при котором сепаратистский дискурс используется как средство воздействия на центральную власть. Мотивы, способствующие распространению сепаратистских настроений, могут быть самыми разнообразными, но наибольшее значение в настоящее время, вероятнее всего, имеют вопросы экономической дифференциации, а также долгая история этнического раскола, подкрепленная соответствующей символической аргументацией (Туров, 2021). Причем на разных этапах развития сепаратистского дискурса значимость отдельных факторов существенно варьируется.

Фламандский сепаратизм в этом смысле довольно своеобразен, поскольку зарождается как раз не на основе экономических мотивов (Осколков, 2021: 63), но именно они впоследствии окажут значительное влияние на институционализацию требований «притесняемого» (нидерландскоязычного) сообщества. Кроме того, в современных проявлениях сепаратистского дискурса довольно ярко выделяется его инструментальная составляющая. Таким образом, сепаратизм в современной Бельгии развивается и трансформируется под воздействием как политических, так и дискурсивных факторов, что отражается в своеобразном «разделении труда» между двумя ведущими правыми партиями Фландрии. В риторике «Фламандского интереса» до сих пор присутствует требование об образовании независимого государства, а в заявлениях «Нового фламандского альянса» – призыв к дальнейшему перераспределению полномочий.

Классик исследований сепаратизма Д. Горовиц выделяет в качестве одной из возможных стратегий разрешения этнических конфликтов, в которые вовлечены сепаратистские движения, необходимость рассредоточения властных полномочий (Horowitz, 1985). В целом ситуация в Бельгии могла бы быть примером реализации такой стратегии, так как во второй половине XX в. страна прошла путь легализации части требований «сепаратистски» настроенной Фландрии, а затем и федерализации страны, т.е. фактического рассеивания властных полномочий.

Действительно, многие исследователи трактуют бельгийский вариант купирования проблемы сепаратизма с помощью федерализации страны как один из возможных способов разрешения этнических и языковых конфликтов внутри государств (Keating, 2007). Однако бельгийская модель «разрешения» конфликта довольно противоречива. С одной стороны, федерализация действительно не привела к дальнейшей радикализации сепаратистских настроений и фактической легитимации распада государства (Vandenbergh, 2022). С другой стороны, она в значительной степени стимулировала развитие так называемого «парадокса федерализма» (Erk, Anderson, 2010), когда децентрализация власти ведет к увеличению требований в сторону еще большей федерализации, легитимизируя уже саму необходимость дальнейшего

перераспределения полномочий. Как представляется, политической системе современной Бельгии на настоящий момент удалось достичь определенного равновесия в этом вопросе за счет создания фактически изолированных друг от друга сообществ. Хотя в общественно-политическом пространстве страны звучат лозунги и воззвания, которые можно интерпретировать как призывы к индипендизму, они, скорее, являются требованиями о новой «рефедерализации» (дополнительном перераспределении полномочий) под прикрытием этнотерриториальных противоречий (Caluwaerts, Reuchamps, 2022: 138).

В то же время, как представляется, бельгийский вариант разрешения противоречий, хоть и в действительности поспособствовал предотвращению серьезного насильственного конфликта, не способен стать универсальной моделью разрешения этнического конфликта для других стран по нескольким причинам. Во-первых, в случае Бельгии налицо слишком большое число специфических особенностей страны, среды и времени, в которых происходили основные изменения. Во-вторых, модель, которая возникла в процессе разрешения противоречий, оказалась крайне подвижна и переменчива. Подобную подвижность, например, вряд ли могут позволить себе относительно крупные страны. Кроме того, фундаментальные противоречия, вызвавшие саму проблему сепаратизма в Бельгии, никуда не исчезли. Напротив, наблюдается разнонаправленная динамика общественных настроений в Валлонии и Фландрии.

Может показаться, что риторика ключевых политических игроков ужесточается, однако пока она не ведет к радикализации сепаратистских настроений. По сути, произошли своеобразная рутинизация и заморозка конфликта, что хорошо работает в краткосрочной и среднесрочной перспективе, но представляет некоторую опасность в долгосрочной в силу сохранения базовых противоречий (Caluwaerts, Reuchamps, 2015). В настоящий момент представляется, что «сепаратистский» дискурс стал одним из вопросов внутривнутриполитической повестки дня, включенных в традиционное предвыборное «меню» основных политических сил. В случае Бельгии подобная ситуация фактически контекстуально уравнивает понятия «сепаратизма» и «автономизма / регионализма», несмотря на явное противоречие между ними.

Любопытно, что об этом же, по сути, говорил и сам Д. Горовиц в одном из своих интервью бельгийским СМИ². С его точки зрения, Бельгия не может служить примером разрешения этнического конфликта, так как в результате нескольких раундов государственного переустройства образовалась страна, которая фактически страной не является. Под нынешней федеративной конструкцией заложена мина консенсусной демократии, которая может перестать работать в любой момент. И факторы, которые раньше стабилизировали эту систему, могут превратиться в дестабилизирующие в достаточно короткий промежуток времени.

² BRUZZ (2011) Donald Horowitz: 'België werkt separatisme in de hand'. 1 June. Available at: <https://www.bruzz.be/samenleving/donald-horowitz-belgie-werkt-separatisme-de-hand-2011-06-01> (accessed 29 March 2023).

В этом, как представляется, и состоит «бельгийский феномен»: основные факторы, воздействующие на этнический конфликт, меняются незначительно, однако на разных временных отрезках они могут либо углублять существующие противоречия, либо стабилизировать их. При этом сепаратизм как дискурс скорее инструментализируется, то есть становится средством достижения определенных политических задач, переставая быть самоцелью.

Фламандский сепаратизм: логика эволюции

Сепаратизм в Бельгии удивительно логичен, поскольку обусловлен всем ходом истории. Именно ретроспективный анализ позволяет говорить о том, что основные противоречия между фламандцами и валлонами накапливались годами и усиливались под воздействием все новых и новых факторов на каждом новом этапе развития. Закономерным итогом подобной динамики стало фактическое разделение страны под «шапкой» федерализации.

Этнотерриториальный конфликт в Бельгии прежде всего основан на языковом разделении, чисто этнический фактор играет в этом вопросе гораздо меньшую роль (ван Истендал, 2021: 121). Генезис лингвистического разделения можно проследить на самых ранних этапах развития этих территорий. Поразительным образом граница романизации (культурного пространства Римской империи) проходила приблизительно на месте современной языковой границы, и эта линия была закреплена уже в Раннем Средневековье. Так, некоторые бельгийские историки полагали, что южнее ныне существующей языковой границы никогда не было франкских поселений (Godefroid, 1895), т.е. германские племена практически не проникали на юг нынешней территории Бельгии, а значительное влияние на лингвистическое развитие этих мест оказывали кельты (Пиренн, 2001). У этого явления есть географическое объяснение: движению германцев на юг препятствовали массив угольного леса (Сильва Карбонария) и римская дорога Баве-Тонгерен-Маастрихт (Nouwen, 2020).

В дальнейшем территория современной Бельгии постоянно находилась в составе других более крупных государственных образований (Империи Карла Великого, Бургундского герцогства и др.), включая краткий этап совместного проживания бельгийцев и голландцев в составе Объединенного Нидерландского королевства (1815–1830-е гг.). В результате бельгийской революции (1830 г.) образовалось независимое Королевство Бельгия. Стоит отметить, что именно недовольство франкоязычной элиты, права которой достаточно существенно ущемлялись в Объединенном королевстве, стало одним из поводов для революции и отделения страны. В новом государстве на официальном уровне безгранично господствовал французский язык, несмотря на численное превосходство нидерландскоязычного населения (2,4 млн против 1,8 млн в 1846 г.) (Alen, 1993). Несмотря на крайне либеральный характер бельгийской конституции 1831 г., государственное управление, дело- и судопроизводство, а также образование осуществлялись на французском языке. Преимущественно крестьянское население Фландрии заметно притеснялось

(даже во многих муниципальных правительственных учреждениях говорили на французском языке), часто не получало образования (49% солдат в Западной Фландрии были неграмотными в 1848 г. (Cook, 2022: 81)) и мало участвовало в общественной жизни своей страны.

Поэтому не удивительно, что институционализация фламандского движения начинается как раз с культурных вопросов (Хендрик Консианс в 1839 г. публикует свой знаменитый роман «Лев Фландрии», посвященный битве при Куртре (Битва золотых шпор), которая и легла в основу регионального мифо-строительства во Фландрии).

Проблема сепаратизма в Бельгии – это прежде всего вопрос фламандского сепаратизма и фламандской эмансипации, что вынуждает обратить особое внимание на институционализацию фламандского движения. Фактически оно появляется в 1840 г. как движение, призывающее к чтению нидерландскоязычной литературы и обучению людей литературному нидерландскому языку. При этом, как считают некоторые историки (Vos, 1998), сама фламандская национальная идентичность начинает складываться только в последней трети XIX в. В ответ на возникновение фламандского движения позднее в 1877 г. формируется Валлонская лига, выступавшая за права валлонов и защиту французского языка.

Именно в этот период появляются политические силы, в рядах которых концентрируются нидерландско- и франкоговорящие подданные. Так, католическая и социал-демократическая партии, которые в тот момент боролись за либерализацию избирательного законодательства, все больше и больше разделялись по этническому принципу (католики в большей степени ассоциировались с фламандцами, социал-демократы – с валлонами). При этом либералы, контролировавшие политическую систему в XIX в., также могли становиться носителями этнических идей. Например, группа либеральных депутатов из Антверпена добилась ограниченного использования нидерландского языка в судах, органах управления (1878 г.) и государственной средней школе (1883 г.) (Cook, 2002).

Языковой вопрос набирал остроту на протяжении всего первого десятилетия XX в. Уже в 1910-е гг. фламандские интеллектуалы начали призывать не к расширению использования нидерландского языка, а к административному разделению страны. Этим не могли воспользоваться внешние силы, вынашивавшие планы по реформатированию Европы. Так, как в Первую, так и во Вторую мировую войну немцы делали ставку на фламандцев как потенциально более успешных союзников среди этнических групп. Знаменитая *Flamenpolitik* способствовала радикализации части фламандского движения и превращения его в «антибельгийское» (Cook, 2002). В то же время большая часть фламандцев не поддерживала сотрудничество с немцами, хотя языковой вопрос вставал все более остро (например, фламандские солдаты, сражавшиеся против немецкой армии, не всегда говорили на французском языке, а к франкоговорящим солдатам у командования было гораздо более лояльное отношение).

В межвоенный период фламандское движение начинает борьбу уже не за языковое равноправие, а за изгнание французского языка из Фландрии и установление на территории только одного национального языка. Причем из этого принципа исходят как умеренная, но при этом массовая Католическая партия, так и более радикальный Фламандский фронт (1919 г.), позднее трансформировавшийся во Фламандскую национальную лигу (1933 г.). В 1922 г. фламандский был приравнен в статусе к французскому, а в 1932 г. официально установлен принцип двойного одноязычия по территориальному принципу (каждый регион говорит на своем официальном языке) (Mпоokin, 2007). В 1935 г. этот принцип фактически распространился на суды, в 1938 г. – на армию (в ней стали формироваться одноязычные подразделения).

Во время Второй мировой войны немцы также делали ставку на фламандцев (фламандские националисты даже формировали подразделения СС, а Фламандская национальная лига позднее обвинялась в коллаборационизме), хотя поддержка нацистов наблюдалась и со стороны валлонов (т.н. рексистское движение Леона Дегреля). При этом, в отличие от Первой мировой войны, немцы быстро отказались от попыток организации местного управления и установили собственную военную администрацию.

Послевоенный период окончательно обозначил те разделительные линии в Бельгии, которые и привели к реформированию государственного устройства. Во-первых, именно с 1950-х гг. начинается хозяйственная перестройка экономики, благодаря которой Фландрия обогнала Валлонию по уровню экономического развития. Во-вторых, в этот период обостряется партийная борьба («школьные войны» между католиками и социал-демократами). В-третьих, более заметным становится демографический дисбаланс (в 1962 г. валлоны составляют лишь 33% населения). В-четвертых, валлонское население в большинстве своем было уверено в том, что фламандцы сотрудничали с нацистами и угнетали валлонов. Все это в конечном счете приводило к тому, что первые требования о федерализации страны начали звучать как раз со стороны валлонов и были подхвачены фламандцами.

Уже в 1961 г. коалиционное правительство выступило с планом по обеспечению культурной автономии валлонов (которые опасались численного превосходства фламандцев) и постепенной экономической эмансипации фламандцев (которые стремились к обеспечению своей хозяйственной самостоятельности). В результате реализации этого плана Бельгия *de facto* перешла к строительству федеративного государства, которое находится в постоянном движении (Popelier, 2020). Начиная с 1970 г. именно «ползучая» децентрализация и федерализация определяют логику развития страны.

Факторы углубления противоречий

Углубление противоречий между фламандцами и валлонами, которое привело к возникновению фламандского сепаратизма, а затем встречным требованиям со стороны валлонов, вызвано несколькими факторами, действие которых можно наблюдать по сей день. Как представляется, ключевыми

из них являются языковой, экономический, элитный, внешний, а также институциональный. В центре же противоречий, вероятно, лежит сформировавшийся под действием этих факторов ценностный разлом, преодолеть который достаточно сложно.

Языковой фактор. Безусловно, в основе этнического конфликта в Бельгии лежит языковой фактор, а также тот факт, что более распространенный нидерландский язык оказался под давлением французского (в 1846 г. 57% населения говорило на нидерландском, 42% – на французском, 1% – на немецком). Повышение необходимости взаимодействия фламандцев и валлонов друг с другом по мере экономического развития и увеличения связности страны в XIX в. привело к очевидным противоречиям. В середине века появилось фламандское движение, эволюционирующее от защиты культурных особенностей к требованиям политической автономии, а в конце – валлонское движение, имеющее охранительный характер.

Лингвистический фактор, по сути, лежал в основе федерализации страны, поскольку, учитывая различный этнический состав муниципальных районов по разные стороны от фактической лингвистической границы, мешал законодательному закреплению этой линии, которое произошло в 1963 г. (любопытно, что до этого местные власти отдельных районов пытались подтасовывать данные переписей, чтобы сознательно увеличить число «титульного» этноса).

Можно с уверенностью утверждать, что языковой фактор продолжает оказывать влияние на общественно-политическую жизнь Бельгии вплоть до настоящего времени: если Фландрия пошла на объединение органов управления региона и сообщества, то Валлония сохранила разделение между правительствами и парламентами Валлонского региона и Франкоговорящего сообщества. Это свидетельствует о том, что Фландрия и Валлония по-разному смотрят на федерализацию страны: Фландрия предпочитает разделение на два сообщества (нидерландскоговорящее и франкоговорящее, т.е. в основе лежит языковой принцип), Валлония же стремится сохранять региональный подход (Фландрия – Валлония – Брюссель-столица). Не в последнюю очередь подобные расхождения вызваны тем, что лингвистическая граница лежит к югу от Брюсселя. Последний можно считать своего рода главным активом страны, ведь именно здесь располагаются основные институты и органы Европейского союза.

В целом подобная трактовка вполне укладывается в существующее теоретическое понимание о том, что языковой конфликт может приводить к этническому, а от интенсивности лингвистических противоречий зависит и интенсивность этнического конфликта (Medeiros, 2017).

Фактор элиты. Нетрудно заметить, что двигателем этнического конфликта в Бельгии были элиты. Начиная с бельгийской революции, именно они формулировали ключевые вопросы развития страны. В ставших уже классическими работах отмечается, что элиты смогли предложить специальные консоциативные механизмы, способные урегулировать достаточно серьезные внутренние противоречия и сгладить разделительные линии в бельгийском

обществе (Lijphart, 1977). Элиты в такой ситуации играют посредническую роль и специфическим только для обществ такого типа образом умиротворяют радикальную риторику.

В реальной политической жизни практически ни один общественный конфликт не переходит в активную фазу без соответствующих действий со стороны элит. В случае Бельгии элиты одного сообщества были настроены к представителям другого сообщества не настолько радикально, как в случае других европейских этнических конфликтов. Более того, им удалось создать систему «бюрократического патронажа», который и уравнивает существующие противоречия (Covell, 1981).

Можно предположить, что в Бельгии эта система существует до сих пор, поскольку базовые предпосылки для нее сохраняются. Так, в стране по-прежнему не самый высокий уровень политического участия (иначе не было бы необходимости сохранять обязательность голосования на выборах), а субъективное ощущение дистанции от власти значительно выше, чем в Нидерландах, Австрии, Швеции и других малых европейских странах³. Формирование правительства в ходе политических кризисов, по которым Бельгию можно считать рекордсменом, представляет собой долгий процесс переговоров внутри партийных элит, а не между элитами и обществом. Более того, эти правительственные кризисы практически не оказывают влияния на стабильность государственного управления и функционирование общества. За счет выстраивания иерархии «бюрократического патронажа» каждый член общества продолжает жить своей жизнью и без правительства.

Таким образом, элита в бельгийском случае, с одной стороны, спровоцировала языковой и этнический конфликт, с другой – способствует его относительно мягкому протеканию.

Экономический фактор. Этот фактор создал благоприятный фон для роста сепаратистских настроений во фламандском обществе и необходимости ответа на него – в валлонском. Сразу после Второй мировой войны намечается переворот в географической структуре хозяйства, который начинается с Брабанта, а в 1960-е гг. перекидывается и на другие фламандские провинции. Структурный кризис на юге вкупе с ростом привлекательности основных факторов конкурентоспособности на севере, совпадающие по времени с начинающимися процессами постиндустриализации, приводят к радикальной перестройке всей бельгийской экономики. В результате к 2000 г. ВВП (ППС) на душу населения в Валлонии составлял всего 77% от среднего по Европейскому союзу⁴ (против 103% в 1955 г., 90% в 1975 г.), а Фландрия резко нарастила свои преимущества (105% от среднего по ЕС-15 против 92% в 1955 г.)⁵.

³ Hofstede Insights | Country comparison tool (n.d.). Available at: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool> (accessed 29 March 2023).

⁴ ЕС в конфигурации ЕС-15.

⁵ Данные Евростата.

В 2010-е гг. Валлония обеспечивала не более 25% ВВП страны, при этом аккумулируя до 35% расходов бюджета (Jennes, 2014). Естественно, подобные диспропорции не могли не вызывать неприятия во Фландрии. Именно поэтому цель последних раундов федеративных реформ – изменение распределения фискальных полномочий.

Внешний фактор. Фламандская политика Германии и в Первую, и во Вторую мировые войны сыграла огромную роль в институционализации и развитии фламандского сепаратизма. Подобно тому как система гражданского управления в будущих Нидерландах и Бельгии была фактически привнесена Наполеоном, первое полноценное юридическое разделение Бельгии на регионы состоялось в период Первой мировой войны. Так, в 1917 г. были образованы Фландрия со столицей в Брюсселе и Валлония со столицей в Намюре, а в 1918 г. немцы провозгласили нидерландский язык ключевым языком во фламандских государственных школах. В качестве примера также можно привести перевод Гентского университета на нидерландский язык в 1915 г.

В отличие от кайзеровской политики, Гитлер не искал особенной институционализации фламандского движения, но именно его военная администрация и факт более распространенного во Фландрии коллаборационизма способствовали достаточно серьезной радикализации сепаратистской повестки в общественном восприятии уже в Валлонии.

К этому можно добавить и «королевский вопрос», остро вставший после Второй мировой войны. Бельгия снова оказалась разделена по этническому принципу на референдуме о необходимости сохранения престола за Леопольдом III в 1950 г. (большинство фламандцев проголосовало за, а валлонов – против).

Федерализация страны

Федерализация Бельгии стала тем самым компромиссным решением, которое устроило как фламандские, так и валлонские элиты (даже несмотря на то, что они по-разному видят ее принципы и задачи). Именно движение к децентрализации объясняет сохранение некоторого внутривнутриполитического баланса в стране на фоне сохраняющихся этнических противоречий. Каждый новый виток политического конфликта заканчивался очередным раундом федерализации. При этом если первые раунды касались принципиальных вопросов устройства системы управления, то последние уже в большей степени характеризуются решением проблемы перераспределения финансовых полномочий (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Реформы федерации в Бельгии¹
Table 1. Federation reforms in Belgium

<p>1-я государственная реформа (1970 г.)</p>	<p>В результате пересмотра Конституции в 1970 г. были созданы три культурных сообщества (франкоговорящее, нидерландскоговорящее и немецкоговорящее), которые получили определенную автономию по культурным вопросам (в 1971 г. были созданы советы по культуре в каждом сообществе), однако их полномочия были все еще крайне ограничены. Первая государственная реформа представляла собой ответ на стремление фламандцев к культурной автономии. В 1970 г. также началось создание трех регионов, которые, как предполагалось, в будущем будут активны в экономической сфере. Создание регионов было обусловлено стремлениями франкоговорящих жителей Брюсселя и Валлонии. В результате первой реформы были внесены коррективы в работу федеральных органов власти: с 1970 г. в правительство должно было входить равное число министров, говорящих на нидерландском и французском языках. Теперь в отношении законодательства в сфере языковой политики и некоторых конституционных законов должна применяться особая процедура голосования в парламенте: для одобрения такие законы должны получить поддержку большинства внутри каждой языковой группы и две трети голосов «за» в целом.</p>
<p>2-я государственная реформа (1980 г.)</p>	<p>С 1980 г. культурные сообщества стали называться просто сообществами: это связано с тем, что эти образования получили полномочия не только в сфере культуры, но и в области здравоохранения и социального обеспечения. Три сообщества (отныне называемые французским, фламандским и немецкоязычным) получили возможность сформировать свой совет (парламент) и правительство. Кроме того, были созданы Фламандский и Валлонский регионы, каждый из которых также получил право на собственный парламент и правительство (во Фландрии парламент сообщества был объединен с парламентом региона). Законодательные акты советов сообществ и регионов получили такой же правовой статус, как и национальные законы. Однако региональные советы и советы сообществ избирались не народным голосованием: в их состав входили члены соответствующих языковых групп из государственного парламента. В то же время Брюссельский регион пока не был сформирован, несмотря на то, что его создание было предусмотрено еще первой реформой. Финансовая автономия сообществ и регионов продолжала быть крайне ограниченной: их финансовые ресурсы поступали преимущественно в виде целевых субсидий.</p>
<p>3-я государственная реформа (1988–89 гг.)</p>	<p>В ходе третьей реформы 1988–1989 гг. был сформирован Брюссельский столичный регион, который обрел свой совет (парламент) и правительство. Сообщества и регионы получили новые полномочия: теперь в сферу ведения сообществ вошли вопросы образования, а в сферу ведения регионов – вопросы транспорта и благоустройства. Регионы и сообщества получили лишь ограниченную фискальную, но значительную финансовую автономию: так, после третьей реформы, эти образования стали обладать большими возможностями по расходованию своей доли в общем национальном бюджете, эта доля была увеличена с менее чем 10% в 1980 г. до 33% в 1990 г.</p>
<p>4-я государственная реформа (1993 г.)</p>	<p>В результате четвертой реформы 1993 г. Бельгия стала полноправным федеративным государством. За сообществами были окончательно закреплены такие полномочия, как вопросы культуры (искусство, молодежная политика, туризм), языковой политики (за исключением коммун с особым языковым статусом), политики в области здравоохранения и социального обеспечения (но не социальной защиты), образования и международного сотрудничества в этих областях. За регионами были закреплены следующие полномочия: региональное экономическое развитие, трудовая занятость в регионе, энергетическая политика (кроме национальной энергетической инфраструктуры и ядерной энергии), дорожное строительство, местное самоуправление, сельское хозяйство, внешняя торговля и др. Кроме того, в 1993 г. также был реформирован Сенат: так, теперь в него входили 40 сенаторов, избираемых прямым голосованием (25 от фламандского сообщества и 15 от французского), 21 сенатор назначался парламентами сообществ и регионов (10 от фламандского сообщества, 10 от французского сообщества и 1 от немецкоязычного сообщества), остальные 10 сенаторов назначались 61 сенатором путем кооптации. Кроме того, упразднилась система двойного мандата, при которой сенаторы и федеральные депутаты занимали места в региональных парламентах и парламентах сообществ.</p>

⁶ Источник: составлено автором по Hooghe L. (1993) Belgium from Regionalism to Federalism. *Political Economy Research Group. Papers in Political Economy*, 43. London; Belgium.be (Official Information and Services). Available at: <https://www.belgium.be/nl> (accessed 29 March 2023).

<p>5-я государственная реформа (2001 г.)</p>	<p>В 2001 г. вступили в силу Ламбермонтское и Ломбардское соглашения. Ламбермонтское соглашение передало некоторые полномочия сообществам и регионам. В соответствии с ним вопросы местного самоуправления и законодательства в провинциях, некоторые полномочия в области сельского хозяйства, рыболовства и внешней торговли были закреплены за регионами. Контроль за расходами на проведение выборов в национальный парламент и дополнительное финансирование политических партий были переданы сообществам и регионам. Кроме того, Ламбермонтское соглашение предусматривает ряд мер, связанных с финансированием сообществ и расширением фискальных полномочий регионов. Ломбардское соглашение изменило систему организации власти в Брюссельском столичном регионе. Шесть членов фламандского парламента стали избираться в Брюсселе напрямую. Также, согласно соглашению 2001 г., было изменено количество голосов, необходимое в каждой языковой группе в парламенте Брюссельского столичного региона для принятия некоторых региональных постановлений.</p>
<p>6-я государственная реформа (2011-2012 гг.)</p>	<p>Согласно шестой государственной реформе 2011 г., полномочия сообществ и регионов вновь пересматриваются. Так, некоторые компетенции в сфере медицинского обслуживания, предоставления первичной правовой помощи, исполнения наказания и уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних лиц передаются в сферу ответственности сообществ. Что касается регионов, их полномочия по вопросам организации дорожного движения и туризма были расширены. Важным изменением было предоставление регионам фискальной автономии: они получили право понижать и повышать налоги на региональном уровне, устанавливать дополнительные сборы. В результате реформы вновь был изменен состав Сената: теперь в него входят 60 сенаторов (50 из них избираются парламентами сообществ и регионов), а остальные 10 сенаторов – путем кооптации. Работа Сената также была ограничена: теперь его заседания проходят лишь восемь раз в год. Кроме того, в результате шестой государственной реформы произошло разделение избирательного округа Брюссель-Халле-Вилворде: Фламандский Брабант и Брюссель были выделены в отдельные избирательные округа.</p>

Результатом федерализации стал фактический распад страны на сообщества / регионы, который коснулся почти всех вопросов общественной жизни. По сути, в Бельгии нет общих медийного пространства, партийной, образовательной и других систем. При этом самое важное, что сепаратизм как проблема смягчился за счет федерализма и стал «респектабельным» и «интеллигентным». Можно говорить о достижении «перемирия» в отношении между фламандцами и валлонами, однако значительная часть решений носит промежуточный, временный характер (van Velthoven, 2012: 205-207).

Институционализация разделенности

Фактически за счет федерализации существенное число разделительных линий в Бельгии инкорпорировано в институциональную структуру общества. Так, систему образования контролируют языковые сообщества, которые и определяют образовательную программу. Та, в свою очередь, обеспечивает воспроизводство этих самых разделительных линий. Например, программа преподавания истории во фламандских школах делает значительный упор на объяснении размежеваний между Фландрией и Валлонией, что проявляется в итоговых представлениях учеников (Van Havere, 2015: 278).

В Бельгии наблюдается очень четкое разделение на нидерландскоязычные и франкоязычные средства массовой информации, каждая из которых «обслуживают» «свою» аудиторию (соответственно на севере и на юге)⁷. Отсюда возникает любопытный феномен, связанный с тем, что валлоны и фламандцы не знают друг друга, не читают газеты друг друга, не смотрят телевидение друг друга, не слушают радио друг друга; в итоге им даже не о чем разговаривать (Verbeke, Euwema, 2010), так как они живут в своеобразном медийном «пузыре» (Sinardet, 2013). В результате фламандцы и валлоны мало институционально контактируют друг с другом. Как косвенное следствие этих процессов можно отметить низкий уровень заключенных браков между представителями нидерландскоязычной и франкофонной общин (около 0,48% в 2010 г. при гораздо большей вероятности межрасового или межконфессионального брака) (Van Leeuwen, Maas, Hin, Matthijs, 2019).

Партийная система страны также разделена по языковому признаку (см. Таблицу 2). Фактически в стране существуют отдельные региональные избирательные системы и самостоятельные региональные правительства (и правительства сообществ). А любые сложности, возникающие в двуязычных анклавах того или иного языкового сообщества по избирательным вопросам, традиционно трактуются представителями разных языковых групп как грубое посягательство на их право говорить на родном языке и голосовать за собственные этнические партии, что в конечном счете приводит к проведению дополнительных разделительных линий, например, в виде появления новых и деления старых избирательных округов (ван Истендал, 2021: 101-124).

По сути, современная партийно-политическая система Бельгии является отражением границ институционального разделения в стране. Голосование за политические партии выстроено по языковому признаку, при котором каждое из сообществ (нидерландскоговорящее, франкоговорящее и немецкоговорящее) голосует за свои этнические партии. Исключением является лишь Бельгийская партия труда, которая выступает в качестве общенациональной политической силы.

⁷ Monitoring Media Pluralism in the Digital Era. Country Report: Belgium. (2021) Centre for Media *Pluralism and Media Freedom*, p. 6. Available at: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/71938/belgium_results_mpm_2021_cmpf.pdf?sequence=1 (accessed 29 March 2023).

Таблица 2. Основные политические партии Бельгии⁸
Table 2. Main political parties in Belgium

Идеология	Бельгия	Фламандское сообщество	Французское сообщество	Немецкоговорящее сообщество
Правые регионалисты	-	«Новый фламандский альянс» (<i>Nieuw-Vlaamse Alliantie, N-VA</i>)	Демократическая независимая федералистская партия (<i>Démocrate fédéraliste indépendant, DéFI</i>)	«За немецкоговорящее сообщество» (<i>Pro Deutschsprachige Gemeinschaft, ProDG</i>)
		«Фламандский интерес» (<i>Vlaams Belang, VB</i>)		
Социалисты	«Партия труда» (<i>PvDA/PTB</i>)	«Вперед» (<i>Vooruit</i>)	«Социалистическая партия» (<i>Parti Socialiste, SP; Sozialistische Partei, SP</i>)	
Зеленые	-	«Зеленые» (<i>Groen</i>)	«Эколо» (<i>Ecolo</i>)	
Христианские демократы	-	«Христианские демократы и фламандцы» (<i>Christen-Democratisch en Vlaams, CD&V</i>)	«Верные» (<i>Les Engagés</i>)	«Христианская социальная партия» (<i>Christlich Soziale Partei</i>) - правоцентристская
Либералы	-	«Открытые фламандские либералы и демократы» (<i>Open Vlaamse Liberalen en Democraten, OpenVLD</i>)	«Реформаторское движение» (<i>Mouvement réformateur, MR</i>)	«Партия свободы и прогресса» (<i>Partei für Freiheit und Fortschritt, PFF</i>)

Несмотря на такую необычную конфигурацию партийных систем, существующий в стране партийный спектр вполне отражает основные тенденции общеевропейских политических трансформаций и в целом соответствует современным общественно-политическим процессам в других странах ЕС (Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2022). Так, в Бельгии присутствуют все основные типы современных европейских партий, которые в том или ином виде все еще можно расположить в рамках системы политических координат. Кроме того, здесь существуют и распространенные в ЕС практики недопущения правопопулистских партий к управлению страной. Например, к ним можно отнести т.н. санитарный кордон, который фламандские партии выстраивают вокруг «Фламандского интереса» (партии, которую СМИ именуют праворадикальной, хотя в целом она остается в рамках правопопулистской риторики). Наконец, условные регионалистские (в первую очередь фламандские) партии, т.е. силы, отстаивающие региональные политические интересы (прежде всего «Фламандский интерес» и «Новый фламандский альянс»), скорее

⁸ Источник: составлено автором.

инструментализируют сепаратистский дискурс. Их политическая риторика все больше походит на таковую среди других европейских правопопулистских партий с их антииммигрантской и антиистеблишментарной повесткой.

Таким образом, проблема современного непонимания и серьезного ценностного раскола между фламандцами и валлонами в Бельгии является в том числе следствием воздействия институционального фактора и того факта, что политики могут, с одной стороны, переоценивать остроту проблемы, а с другой – сознательно или подсознательно усугублять ее в рамках правил игры, продиктованных институциональной средой, в которой происходит процесс принятия политических решений. Косвенным доказательством этого утверждения можно считать рост сепаратистского дискурса в медиа в годы выборов или правительственных кризисов. Яркий пример – публичная риторика Барта де Вевера, лидера «Нового фламандского альянса», который неоднократно призывал к судьбоносным шагам в области государственного строительства, но фактически отказывался от собственных требований в случаях необходимости достижения коалиционного соглашения с франкоговорящими партнерами⁹. Потенциальную седьмую реформу федерации, о которой часто говорит лидер партии¹⁰, можно воспринимать в том же ключе.

Следовательно, националистическая и сепаратистская риторика в Бельгии используется в значительной степени как политическая технология (наряду с нативизмом и антиистеблишментарной повесткой дня), что сближает фламандских сепаратистов с классическими европейскими правопопулистскими партиями (хоть их бельгийская версия в значительной степени менее радикальна) (Осколков, 2017). То есть политические повестки дня фламандцев и валлонов практически не пересекаются, и сепаратистские партии выбираются фламандцами скорее из-за их экономической и антииммигрантской позиции, нежели из-за провозглашаемой задачи по разделению страны.

В результате, можно говорить о существовании так называемого фламандского парадокса (Xhardez, 2020), в соответствии с которым постепенный рост голосования за «сепаратистские» партии не сопровождается реальным усилением требований автономизации, не говоря уже о сецессии. Кроме того, *de facto* большинство фламандцев не стремится к обретению окончательной независимости.

Векторы ценностного раскола

Тем не менее, ценностный раскол в Бельгии существует, хоть и в каком-то смысле купируется текущим вариантом политической системы. Традиционно выделяют несколько направлений этого раскола между валлонами

⁹ Waarom De Wever zijn afspraak met de geschiedenis in 2024 zal missen. (2021) *De Morgen*, 8 October. Available at: <https://www.demorgen.be/nieuws/waarom-de-wever-zijn-afspraak-met-de-geschiedenis-in-2024-zal-missen~bbd99f6c/> (accessed 29 March 2023).

¹⁰ Breaking the silence: the future of power-sharing in Belgium. (2021) *Eurac Research*, 2 February. Available at: <https://www.eurac.edu/en/blogs/eureka/breaking-the-silence> (accessed 29 March 2023).

и фламандцами, которые оказывают влияние на политическую систему и политическую динамику: чувство сопричастности с собственным государством (ответ на так называемый вопрос Морено¹¹); отношение к монархии (фламандцы настроены более «республикански»), отношение к религии (валлоны воспринимаются как более секуляризованное общество), электоральное поведение (фламандцы обычно «правее», а валлоны обычно «левее») и ряд других (Billiet, Maddens, Frogner, 2010).

Можно утверждать, что принципиальные ценностные расколы в Бельгии сохраняются (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Некоторые направления ценностного разлома во Фландрии и Валлонии¹²

Table 3: Some directions of the value clivage in Flanders and Wallonia

	Фландрия	Валлония
Чувство сопричастности (Вы чувствуете себя..., 2014 г.)	Только фламандцем – 8,7% Больше фламандцем, чем бельгийцем – 18,4% Одинаково фламандцем и бельгийцем – 41,7% Больше бельгийцем, чем фламандцем – 8% Только бельгийцем – 23%	Только валлоном – 2,1% Больше валлоном, чем бельгийцем – 6,9% Одинаково валлоном и бельгийцем – 42,7% Больше бельгийцем, чем валлоном – 11,7% Только бельгийцем – 36,6%
Отношение к монархии	Общая поддержка монархии – 40–45% (60% в 1991 г.) Уровень одобрения короля Филипа – 28% (41% у Альберта в 2003 г.)	Около 65% в целом поддерживают монархию (59% в 1990 г., 70% в 2003 г.) Уровень одобрения короля Филипа: 37% (65% у Альберта в 2003 г.)
Политическое поведение на выборах	Голосование за «правые» партии в нидерландскоговорящем сообществе, 2014 г.: N-VA – 26,67%; 2019 г.: N-VA – 22,4% Vlaams Belang – 19,08%	Голосование за «левые» партии во франкоговорящем сообществе, 2014 г.: Parti Socialiste – 29,29%; 2019 г.: Parti Socialiste – 26,69% Ecolo – 19,91%
Прогнозы голосования на выборах 2024 г.	Vlaams Belang – 25,8% N-VA – 20,2% CD&V – 12,2%	Parti Socialiste – 21,8% PvDA – 19,8% MR – 19,7% Ecolo – 14,9%

Результатом подобного разделения является тот факт, что федерализация выступает в качестве сферы конкуренции между фламандцами и валлонами. В рамках существующей системы политические и экономические силы борются за более выгодное распределение финансовых, экономических и политических ресурсов, что и приводит к периодическим правительственным

¹¹ Вопрос Морено – вопрос, касающийся самоидентификации этнических групп внутри национальных государств. Пример вопроса – в табл. 3.

¹² Источник: составлено автором.

кризисам. Тем не менее институциональная среда способствует разрешению перераспределительного конфликта без полноценной угрозы распада государства.

Вопрос сохранения территориальной целостности Бельгии при нынешнем состоянии ценностного разлома, как представляется, в большей степени зависит от настроений элиты, чем от общественной динамики. В настоящее время нидерландскоговорящие и франкоговорящие бельгийские политические элиты тесно встроены в элиты Европейского союза, что добавляет им прав на получение политических и экономических дивидендов. Сохранение сепаратистской риторики при низком уровне практической реализации угроз окончательного разделения страны свидетельствует о том, что актуальное положение вещей вполне устраивает современные элиты. Потенциальный пересмотр параметров федерации возможен в силу подвижного характера системы, однако полный распад страны маловероятен в силу сохранения своеобразного элитного консенсуса и нежелания политиков разбираться с потенциальными последствиями (проблема членства в ЕС, проблема Брюсселя, проблема разноязычных сообществ и др.).

Современная динамика

Для иллюстрации подобных выводов уместно привести позиции ключевых политических партий (см. Таблицу 4). По результатам анализа можно прийти к однозначному выводу, что даже фламандские партии не стремятся к резкому отделению Фландрии от Бельгии (а именно такой вариант гипотетического распада государства видится основным). Наиболее радикально настроенная партия «Фламандский интерес» постоянно оказывается в тени гораздо менее резкого «Нового фламандского альянса», который, с одной стороны, перетягивает на себя часть сепаратистки настроенного электората, а с другой – аккумулирует голоса умеренно настроенных фламандцев. В их программе сочетаются неолиберализм и этнонационализм, хотя в целом организация идеологически сдвинулась в сторону либеральных партий (Xhardez, 2020). Вместе с тем, при попытках рассмотреть в *N-VA* продолжение фламандского сепаратистского движения, можно увидеть скорее тенденции к углублению децентрализации, чем путь к фактическому распаду страны (т.н. стратегия конфедерализации).

Таблица 4. Позиции бельгийских партий по вопросу сепаратизма¹³
Table 4: Views of Belgian parties on the issue of separatism

Партии	Позиции	Источники
Фламандские партии		
Новый фламандский альянс (<i>Nieuw-Vlaamse Alliantie; N-VA</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Не стремится к революции и стремительному отделению Фландрии от Бельгии; – Выступает за постепенное повышение эффективности государственной структуры и расширение автономии составных частей федерации: за передачу компетенций на уровень сообществ (в первую очередь, в области социально-экономической политики) и сокращение полномочий федерального уровня; – Идея «конфедерализма»: Бельгийская конфедерация, состоящая из Фландрии и Валлонии; в рамках Конфедерации Брюссельский столичный регион и немецкоязычный регион обладают особым статусом; ответственность Фландрии и Валлонии за собственные расходы и доходы. Предполагается создание «конфедеративного» парламента и правительства, состоящего из представителей Фландрии и Валлонии. Кроме того, в данном проекте предлагается совместное участие Фландрии и Валлонии (в рамках Бельгийской конфедерации) в проведении политики на уровне ЕС. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Nieuw-Vlaamse Alliantie (N-VA)</i> (2015) Frequently asked questions. Available at: https://english.n-va.be/frequently-asked-questions (accessed 30 March 2023); – Confederalisme Nieuw-Vlaamse Alliantie (N-VA) (n.d.). Available at: https://www.n-va.be/standpunten/confederalisme (accessed 30 March 2023). (доклад, подготовленный по итогам партийной конференции, где была разработана концепция «конфедерализма»).
Фламандский интерес (<i>Vlaams Belang; VB</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Выступает за создание независимого Фламандского государства. Утверждает, что Фландрия имеет право на независимую политику, на укрепление национальных интересов и сохранение финансовых средств, а также их самостоятельное распределение; – Критика в отношении текущего федеративного устройства Бельгии: нидерландскоязычное и франкоязычное население придерживаются разных взглядов практически по всем вопросам; отмечается неэффективность двухуровневой федерации (пересечение полномочий, сложный процесс принятия решений). Языковая граница де-факто является политической, социальной, правовой и культурной границей в современной Бельгии. В результате, затрудняется процесс принятия решений, интересы Фландрии ущемляются. Фландрия де-факто является финансовым донором для Валлонии. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Programa / Een onafhankelijk Vlaanderen</i>. Available at: <i>Vlaams Belang</i> (2022) <i>Programma</i>. Available at: https://www.vlaamsbelang.org/programma (accessed 30 March 2023).
Христианские демократы и фламандцы (<i>Christen-Democratisch en Vlaams; CD&V</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Исторически партия являлась одним из главных сторонников процесса федерализации, выступая за формирование Бельгийской «конфедерации» (однако четкая концепция последней не была выработана); – В настоящее время выступает за поддержание стабильности государственного устройства страны, последовательное и постепенное реформирование органов управления для повышения их эффективности, против отделения каких-либо частей страны; – Считает, что сообществам и регионам могут быть предоставлены дополнительные полномочия. В 2023 г. партия обновила сайт, и теперь в опубликованной программе вообще нет пунктов, посвященных вопросам сепаратизма, устройству федерации и роли регионов. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Visie Staatshervorming and democratie</i> (n.d.) Available at: https://www.cdenv.be/standpunten/visie-wij-geven-vorm/ (accessed 30 March 2023). Программные пункты на новой версии сайта: <i>cd&v</i> (n.d.) <i>Onze standpunten</i>. Available at: https://www.cdenv.be/onze_standpunten (accessed 30 March 2023).

¹³ Источник: составлено автором.

Открытые фламандские либералы и демократы (<i>Open Vlaamse Liberalen en Democraten; Open VLD</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – В 1960-х и 1970-х гг. партия (до 1992 г. – Партия Свободы и Прогресса, предшественник) позиционировала себя как защитник единства Бельгии; – В 1990-е гг. стала поддерживать автономию регионов при сохранении единства страны; – Рассматривает возможность передачи дополнительных полномочий на федеральный уровень. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Open Vld</i> (n.d.) Open Vld. Available at: https://www.openvld.be/ (accessed 30 March 2023).
Зеленые (<i>Groen</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Поддерживает укрепление федерации, предоставление особых полномочий регионам; подчеркивает важность сотрудничества Фландрии и Валлонии как двух территориальных единиц Бельгии; – Выступает за реформу федеративной системы; в долгосрочной перспективе регионам могут быть переданы полномочия сообществ с целью сокращения количества парламентов и правительств, а также повышения эффективности государственных структур; – Предлагается упразднение Сената и введение единого избирательного округа на федеральном уровне; – Подчеркивается необходимость административно-территориальной реформы во Фландрии и в Брюсселе; – Отмечает возможность передачи полномочий в стратегически важных сферах на федеральный уровень. Подчеркивается важность учреждения единых министерств в следующих областях: внешняя торговля, климат и энергетика, сотрудничество в целях развития и др. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Groen</i> (n.d.) Staatshervorming. Available at: https://www.groen.be/staatservorming (accessed 30 March 2023).
Социалистическая партия (<i>Vooruit / Socialistische Partij Anders</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Выступает за последовательное реформирование федеративной системы с целью повышения ее эффективности; – За продвижение нидерландского языка. 	<ul style="list-style-type: none"> – Официальный сайт партии: <i>Vooruit</i> (n.d.) De weg vooruit is duidelijk. Ontdek onze standpunten. Available at: https://www.vooruit.org/standpunten (accessed 30 March 2023).
Валлонские партии		
Социалистическая партия (<i>Parti Socialiste</i>)	<ul style="list-style-type: none"> – Выступает за стабильную и устойчивую федерацию; – Против седьмой реформы федерации (2024): на данный момент Фландрия и Валлония обладают необходимыми полномочиями; – Подчеркивает важность сохранения связи между Фландрией и Валлонией при взаимодействии в таких сферах как политика, культура и т.д.; – Критика фламандского движения и скепсис в отношении их программ (в частности, <i>N-VA</i>). Слова лидера партии: «Фламандцы должны понимать, что если они когда-либо и объявят о независимости, то это произойдет без Брюсселя». 	<ul style="list-style-type: none"> – Интервью лидера партии Пола Магнетта: <i>La Libre</i> (2022) Paul Magnette ne veut pas de réforme de l'Etat en 2024. 18 June. Available at: https://www.lalibre.be/belgique/politique-belge/2022/06/18/paul-magnette-ne-veut-pas-de-reforme-de-letat-en-2024-6UB3UCQ4LFHQTFHSCBRM3JFFFY/ (accessed 29 March 2023).

<p>Социалистическая партия (<i>Parti Socialiste</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Против идеи «конфедерации», которую продвигают некоторые фламандские партии; – Против новой реформы федерации. <p>Принципы, на которых, должны проводиться реформы государственного устройства:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Поддержка федерального социального обеспечения, являющегося основой солидарности между «Севером и Югом»; – Повышение уровня координации между учреждениями франкоязычного сообщества; – Более эффективное распределение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти; укрепление взаимодействия между ними (отмечается, что эта необходимость ярко проявилась в период пандемии); – <i>PS</i> отмечает свое согласие на продолжение переговоров по вопросам разграничения компетенций между правительством немецкоязычного сообщества и правительством Валлонии. 	<p>– Программа партии (2024): <i>NationBuilder</i> (n.d.) Du Parti Socialiste. Available at: https://assets.nationbuilder.com/psbe/pages/2953/attachments/original/1708434441/Programme_PS_2024.pdf?1708434441 (accessed 29 March 2023).</p>
	<ul style="list-style-type: none"> – Поддержка федерализма; – Выступает за рационализацию и оптимизацию структур управления; – Поддерживает создание единого избирательного округа на федеративном уровне; – Разрабатывает проект «Бельгия 2030»: обязательное изучение нидерландского языка в Валлонии; – Критика в отношении реформы федерации 2024 г. и создания четырех регионов; – Слова лидера партии Ж.-Л. Буше: «Раскол Бельгии» = раскол между левыми и правыми, а не Фландрией и Валлонией. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>MR</i> (n.d.) Bonne gouvernance. Available at: https://www.mr.be/projet/bonne-gouvernance/ (accessed 30 March 2023);</p> <p>– Интервью лидера партии Жоржа-Луи Буше. Available at: <i>MR</i> (2022) Le MR plaide pour l'apprentissage obligatoire du néerlandais. Available at: https://www.mr.be/le-mr-plaide-pour-lapprentissage-obligatoire-du-neerlandais/ (accessed 30 March 2023).</p>
<p>Реформаторское движение (<i>Mouvement Réformateur; MR</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – За более эффективное распределение компетенций между федеральным и региональным уровнями власти (в результате шести реформ система государственного управления стала слишком сложной); – Более эффективное распределение полномочий и повышение качества подотчетности разных уровней управления в социальной сфере; – Повышение уровня сплоченности и взаимодействия между жителями Валлонии и франкоязычными жителями Брюсселя; – За более четкое распределение полномочий между регионами и муниципалитетами; – За реформу Сената: трансформация его в орган, который будет принимать решения в области внешней политики, то есть без одобрения на иных уровнях федерации; кроме того, в нем будут приниматься решения о распределении полномочий; орган будет образовывать арбитражную палату в случае возникновения споров и разногласий между субъектами Федерации. 	<p>– Программа партии 2024 г. (со стр. 195): <i>MR</i> (n.d.) Programme Général 2024. Available at: https://www.mr.be/wp-content/uploads/2024/02/PROGRAMME-GEN-2024-1.pdf (accessed 29 March 2023).</p>

<p>Эколо (<i>Ecolo; Écologistes Confédérés pour l'organisation de luttes originales</i>)</p>	<p>– Ключевое место в повестке занимают экологические проблемы. Поддерживает федерализм, но считает его недостаточно эффективным, поскольку это создает сложности для осуществления энергетического перехода и реализации климатической политики;</p> <p>– Выступает за проведение реформ, включая упрощение административно-территориального устройства (за упразднение провинций), создание «межфедеральной» ассамблеи (<i>une assemblée interfédérale</i>) для решения важнейших вопросов и др.</p>	<p>– Официальный сайт партии: <i>Ecolo</i> (n.d.) Vision Belgique. Available at: https://ecolo.be/vision-belgique/ (accessed 30 March 2023);</p> <p>– Предложения партии по реформам: <i>Ecolo</i> (n.d.) Démocratie et gouvernance. Available at: https://ecolo.be/idees/faire-vivre-la-democratie/democratie-et-gouvernance/ (accessed 30 March 2023).</p>
<p>Независимые демократы и федералисты (<i>Démocrate Fédéraliste Indépendant, DéFI</i>)</p>	<p>– «Федерализм – единственно возможная форма административно-территориального устройства Бельгии. Конфедератизм – лишь приманка». При этом полагает, что федеративное устройство должно стать более эффективным, для чего необходимо расширить участие граждан;</p> <p>– Выступает за целостность страны, критикует сепаратистские тенденции; скептически относится к новым реформам федерации;</p> <p>– Считает необходимым укреплять взаимодействие франкоязычного населения Валлонии и Брюсселя. Уверена, что на федеральном уровне интересы франкоязычного населения Бельгии ущемлены;</p> <p>– Выступает за установление двуязычного статуса в определенных муниципалитетах Фландрии, где большинство населения говорит по-французски, но официальным языком является нидерландский; за защиту права франкоговорящих жителей фламандских муниципалитетов использовать французский вместо нидерландского при решении административных вопросов.</p>	<p>– Официальный сайт партии: <i>DéFI</i> (n.d.) Porter une politique migratoire d'asile et d'accueil plus juste, pragmatique, et intransigeante sur les droits humains. Available at: https://www.defi.be/nos-idees/politique-migratoire-plus-juste/ (accessed 30 March 2023);</p> <p>– <i>DeFi</i>. (May 2021) Vers 2024. Remettre la Belgique en état... federal. Available at: https://www.defi.be/wp-content/uploads/0523_livret_axe_1_bd.pdf (accessed 29 March 2023). (доклад партии об административно-территориальном устройстве страны).</p>
	<p>Выделяет 10 ключевых идей:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. «Федерация» Валлонии и Брюсселя (<i>Fédérer Wallonie et Bruxelles</i>); 2. Федеративное государство как гарант безопасности существования; 3. Выведение любой будущей государственной реформы из порочного круга национализма; 4. Обеспечение равенства возможностей голландскоязычного и франкоязычного населения; 5. Закрепление за федеральным государством роли координирующей силы во время кризиса; 6. Сенат как орган проведения консультаций в Федеративной Бельгии; 7. Защита интересов франкоязычного населения во Фландрии и других районах; 8. Усиление пропорционального представительства и сокращение количества лиц, не пользующихся всеобщим избирательным правом (<i>Renforcer la représentation proportionnelle et réduire globalement le nombre de mandataires non soumis au suffrage universel</i>); 9. Укрепление и упрощение Брюссельского региона (<i>Fortifier et simplifier la Région bruxelloise</i>); 10. Закрепление в Конституции обязательного механизма формирования федерального правительства. 	<p>– Новая программа 2024: <i>DéFI</i> (n.d.) Nos publications. Available at: https://www.defi.be/nos-publications/ (accessed 30 March 2023).</p> <p>В ней выделяется 5 осей. Первая из них посвящена именно институциональным вопросам и федеративному устройству.</p> <p><i>DeFi</i>. (May 2021) Vers 2024. Remettre la Belgique en état... federal. Available at: https://www.defi.be/wp-content/uploads/0523_livret_axe_1_bd.pdf (accessed 29 March 2023).</p>

<p><i>Les Engagés</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> – За перераспределение компетенций в отдельных сферах (в том числе в области здравоохранения, климата, правосудия безопасности дорожного движения); – На федеральном уровне могут устанавливаться определенные рамочные цели, за достижение которых будут ответственны власти субъектов; – На федеральном уровне должна быть определена общая схема для бюджетных и финансовых вопросов, применимая ко всем образованиям Бельгии; – Сенат должен состоять из выборных представителей от разных субъектов федерации; – Упрощение федеративной системы; – Должно произойти слияние валлонских органов власти и франкоязычного сообщества (по примеру Фландрии, <i>Fédération Wallonie-Bruxelles</i>); – Решение вопроса о «раздутости» брюссельских учреждений. 	<p>– Программа партии 2024 г. (со стр. 562): <i>Les Engagés</i> (n.d.) Programme Élections 2024. Available at: https://www.lesengages.be/wp-content/uploads/2024/02/lesengages_programme2024_complet_2_v2.pdf (accessed 29 March 2023).</p>
<p>Партии немецкоязычного сообщества</p>		
<p>За немецкоязычное сообщество (<i>Pro Deutschsprachige Gemeinschaft; ProDG</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Ключевое место в программе занимает защита интересов немецкоязычного сообщества; поддержка автономии языковых сообществ; – Федеративное устройство является преимуществом Бельгии, позволяющим отстаивать интересы отдельных групп; считает необходимым повышение эффективности бельгийской федеративной системы; – Активно развивает сотрудничество с Фландрией. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>ProDG</i> (n.d.) Home. Available at: https://prodg.be/ (accessed 30 March 2023).</p>
<p>Христианско-социальная партия (<i>Christlich-soziale Partei</i>)</p>	<ul style="list-style-type: none"> – Исторически ключевыми пунктами программы являлись расширение автономии языковых сообществ, защита прав немецкоязычного населения и немецкоязычного сообщества; – Активное сотрудничество с Христианскими демократами Фландрии и Валлонии; – Поддерживает передачу дополнительных полномочий сообществам. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>csp-dg</i> (n.d.) CSP Ostbelgien Ziele. Available at: https://www.csp-dg.be/ziele (accessed 30 March 2023). – <i>CSP</i> (n.d.) Programm der Christlich Sozialen Partei. Available at: https://www.csp-dg.be/_files/ugd/b24477_9e0885c5e5ae4b34948f52504e7c0117.pdf (accessed 29 March 2023).</p>
<p><i>Vivant</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> – Ключевое место в повестке занимают предложения о проведении налоговой реформы (повышение НДС, отмена налога на труд и др.), введении базисного дохода (что вызывает сопротивление Фландрии), организации народных референдумов по важнейшим вопросам. 	<p>– Официальный сайт партии: <i>Vivant</i> (n.d.) Programma. Available at: http://www.vivant.org/nl/programma (accessed 30 March 2023).</p>

Данные Таблицы 4 довольно наглядно показывают, что сепаратистский вопрос фактически ушел из политической дискуссии; его место заняла проблема более справедливого и эффективного государственного устройства. По мере приближения выборов 2024 г. в «сепаратистском дискурсе» также не наблюдается намеков на рост или развитие. Согласно данным *Google Trends*, поисковые запросы «независимость Фландрии», «сепаратизм», «переустройство Бельгии» (как на нидерландском, так и на французском языках) на территории страны крайне непопулярны, их интенсивность значительно ниже, чем в 2000-е годы.

Позиции современного партийного мейнстрима Бельгии демонстрируют, что проблема сепаратизма фактически не является центральной (Dandoy, Sinardet, 2021). Время от времени лидер «Нового фламандского альянса» Б. де Вевер заявляет о необходимости проведения новых реформ федерации, но это скорее говорит об использовании сепаратистской повестки в ситуативной политической риторике и борьбе. Реальное же положение вещей состоит в том, что нынешний партийный истеблишмент, вероятно, вполне устраивает сложившаяся институциональная структура гибкого федерализма. Даже в случае гипотетической победы «Нового фламандского альянса» на выборах и потенциального (крайне маловероятного) союза с «Фламандским интересом» можно ожидать скорее нового оживления дискуссий о движении политической системы в сторону конфедерации, нежели о каких-то реальных шагах в системной перестройке государственного управления. В прессе указываются следующие сферы, в которых потенциально могло бы произойти перераспределение полномочий: сфера здравоохранения, энергетика, управление водным хозяйством. Однако здесь необходимо учитывать тот факт, что большая часть населения может не поддержать такие реформы¹⁴.

Общественное мнение в Бельгии не на стороне сепаратистов. По данным последнего федерального опроса, предсказуемо более 60% валлонов выступают против отделения региона от Бельгии (см. Таблицу 5). Среди фламандцев лишь около 20% населения требуют отделения от Бельгии.

Таблица 5. Результаты опроса общественного мнения по вопросу потенциального раздела Бельгии (Вопрос: «Нужно ли разделить Бельгию на фоне результатов выборов 2019 г.?») ¹⁵

Table 5. Results of the public opinion poll on the potential partition of Belgium (Question: «Should Belgium be divided against the backdrop of the 2019 election results?») ¹⁵

	Фландрия	Валлония	Брюссель-столица	Всего Бельгия
Да	23%	13%	16%	19%
Нет	59%	66%	73%	63%
Не интересует	18%	21%	11%	18%

В данных условиях становится очевидно, что сепаратизм в современной Бельгии сохраняется в основном на уровне хозяйственного и ценностного разделения, а также в области политических риторике и технологий. Более того, современные общественно-политические трансформации в стране

¹⁴ Debat over België: zwiigende meerderheid doorbreekt de stilte (2021) *De Wereld Morgen*, 18 November. Available at: <https://www.dewereldmorgen.be/artikel/2021/11/18/debat-over-belgie-zwiigende-meerderheid-doorbreekt-de-stilte/> (accessed 29 March 2023).

¹⁵ Источник: *Exclusief onderzoek: kwart Vlamingen vindt dat België moet splitsen* (2019). Available at: https://www.hbvl.be/cnt/dmf20190531_04438449 (accessed 30 March 2023).

в большей степени определяются общеевропейскими тенденциями и проблемами, нежели традиционными для Бельгии противоречиями. Вместе с тем, преломление общих для всего ЕС трендов имеет свои особые региональные черты в бельгийском обществе. Например, общеевропейская тенденция отдавать все большее предпочтение популистским партиям, которая отражает набирающую силу антиистеблишментарную волну в Европе, в случае Бельгии по-разному выглядит во Фландрии и в Валлонии. В первой популярность постепенно набирает условно крайне правая партия «Фламандский интерес», а в Бельгии – условно крайне левая Партия труда.

Проблема сепаратизма нивелируется еще одним значимым фактором, который заключается в постепенном изменении этнического состава страны вследствие миграционных процессов. Данные Таблицы 6 демонстрируют, что лица с миграционным прошлым (мигранты первого и второго поколения) играют все более значимую роль в структуре населения Валлонии и Брюссельского столичного региона, оттеняя традиционные для страны этнические противоречия.

Таблица 6. Этнический состав населения регионов Бельгии, %¹⁶
Table 6: Ethnic composition of the population of Belgian regions, %

	Фландрия		Валлония		Брюссель-столица	
	2013	2023	2013	2023	2013	2023
Коренные бельгийцы	81,7	73,7	69,9	64,7	31,8	23,4
Лица с миграционным прошлым	11,0	15,7	11,4	24,4	35,1	39,7
Граждане третьих стран	7,3	10,5	9,7	10,9	33,1	36,9

Несмотря на то, что доля лиц с миграционным прошлым во Фландрии гораздо ниже, чем в Валлонии, правый дискурс на севере страны постепенно смещается в сторону более острой оценки миграционных вопросов, чему, вероятно, способствует рост популярности правых популистов в соседних Нидерландах. Согласно опросам (см. Таблицу 7), миграция стала самой важной предвыборной проблемой во Фландрии в 2023 г. Правопопулистская партия «Фламандский интерес», известная своим сепаратистским прошлым, сегодня скорее ассоциируется с антимигрантскими заявлениями и аккумулирует значительную часть тех, кто озабочен этой проблемой.

¹⁶ Источник: расчеты автора по данным Statbel.

Таблица 7. Важнейшие проблемы, волнующие избирателей во Фландрии, 2023 г.¹⁷
Table 7. The most important issues of concern to voters in Flanders, 2023

	Фландрия целиком	Сторонники Фламандского интереса	Сторонники Нового фламандского альянса	Сторонники Христианских демократов и фламандцев
Миграция	24%	45%	34%	17%
Налоги	21%	27%	20%	18%
Экономика	21%	16%	23%	23%
Энергетика	18%	19%	14%	19%
Здравоохранение	15%	8%	9%	21%
Пенсии	14%	11%	14%	15%
Преступность	14%	25%	15%	17%
Социальное страхование	14%	10%	9%	19%
Функционирование демократии	13%	12%	15%	16%
Климат	11%	2%	11%	11%
Реформа государственного управления	7%	10%	14%	1%

Также можно обратить внимание на то, что значимость вопросов пересмотра государственного управления, которые оказывали серьезное воздействие на исход предыдущих федеральных выборов и влияли на дискуссии вокруг формирования правящих кабинетов и осуществления очередных раундов реформы федерации в стране, сегодня не являются приоритетными ни для Фландрии целиком, ни для правых избирателей.

Заключение

Проблема сепаратизма в Бельгии демонстрирует несколько важных особенностей этнических и языковых конфликтов в европейских странах в целом и в Бельгии в частности. Во-первых, можно констатировать историческую предопределенность многих этнических и языковых конфликтов, а также сепаратизма как явления. Вместе с тем, современное восприятие этих вопросов скорее основывается на внеисторическом контексте и проистекает из экономических, политических, социальных, а иногда сугубо психологических причин.

Во-вторых, степень остроты проблемы сепаратизма зависит от многих факторов, ключевыми из которых представляются фактор элит, экономический, внешний и институциональный факторы. И если первые три определяют генезис и ход конфликта, то последний, как видится, может отвечать за его купирование и / или самовоспроизводство. В частности, такой вывод вытекает из институциональной структуры современной Бельгии, которая

¹⁷ Источник: *De Stemming* (2023) Available at: https://brussels-school.be/sites/default/files/documents/DeStemming2023_Full.pdf (accessed 30 March 2023).

сохраняет базовые ценностные противоречия, как бы проводя их по кругу каждый избирательный цикл, но при этом обеспечивает относительно стабильное функционирование политической системы за счет подвижного характера федерации и запрограммированной возможности изменения ее параметров. Фактически современная бельгийская модель урегулирования этнических противоречий и снижения сепаратистских настроений построена не просто на федерализации страны, но на институционализации «разделенности» между фламандским и валлонским сообществами, при которой каждая из групп оказывается изолирована друг от друга.

В-третьих, на современном этапе сепаратизм становится политехнологическим инструментом и скорее превращается в элемент предвыборной риторики, нежели является серьезным идеологическим принципом или убеждением. Проблема этнического сепаратизма отходит на задний план, переставая быть важным компонентом программ политических партий и объектом общественных споров, но при этом сохраняя свое значение для самоидентификации и определения ценностных различий во Фландрии и Валлонии. Сегодня при общественном выборе в Бельгии руководствуются иными проблемами, включая миграционный вопрос, экономический кризис и растущую дистанцию между властью и обществом. В то же время, с учетом общей инструментализации сепаратистского дискурса в стране, это не означает, что он не станет востребованным через какое-то время. По крайней мере в современную политическую систему Бельгии встроены элементы, необходимые для его потенциальной актуализации.

Список литературы

1. ван Истендал Г. (2021) *Бельгийский лабиринт, пер. с нидерл. В.В. Ошиса*. М.: Изд-во «Весь мир».
2. Нарочницкая Е.А. (2015) Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейской реальности. *Актуальные проблемы Европы* (6): 32–55.
3. Осколков П.В. (2017) Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе. *Современная Европа* (5): 54–62.
4. Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2023) К вопросу о дискурсивных параметрах типологизации политических партий. *Мировая экономика и международные отношения* 67 (5): 57–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-57-68
5. Осколков П.В. (2021) Этнорегиональный сепаратизм в Европе: дезинтеграция против интеграции? *Международная аналитика* 12(3): 59–71. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-59-71.
6. Пиренн А. (2001) *Средневековые города Бельгии*. СПб.: Евразия.
7. Прохоренко И.Л. (2018) *Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза*. М.: ИМЭМО РАН.
8. Туров Н.Л. (2021) *Феномен сепаратизма в современном мире*. М.: ИНИОН РАН, 2021.
9. Alen A. (1993) 'Nationalism–Federalism–Democracy: The Example of Belgium', *European Review of Public Law* 5(1): 41–88.
10. Billiet J., Maddens B., Frogner A.-P. (2006) 'Does Belgium (still) exist? Differences in political culture between Flemings and Walloons'. *West European Politics* 29(5): 912–932.

11. Caluwaerts D., Reuchamps, M. (2015) 'Combining Federalism with Consociationalism: Is Belgian Consociational Federalism Digging its Own Grave?'. *Ethnopolitics* 14(3): 277–295.
12. Caluwaerts, D., Reuchamps, M. (eds). (2022) *Belgian Exceptionalism: Belgian Politics Between Realism and Surrealism*. Routledge, 2022.
13. Cook B. A. (2002) *Belgium: A History*, Peter Lang.
14. Covell M. (1981) 'Ethnic conflict and elite bargaining: The case of Belgium'. *West European Politics* 4(3): 197–218.
15. Dandoy R., Sinardet D. (2021) 'The separatism debate in Flanders: Actors and Arguments', In A. Eppler, C. Jeffery (eds) *Qualified Autonomy and Federalism versus Secession in EU Member States*. Innsbruck: Lütgenau, pp. 187–201.
16. Erk J., Anderson L. M. (eds). (2010) *The paradox of federalism: Does self-rule accommodate or exacerbate ethnic divisions?* Routledge.
17. Godefroid K. (1895) *La frontière linguistique en Belgique et dans le nord de la France*. In: *Mémoires couronnés et autres mémoires publiés par l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique*. Collection in-8°. Tome 48.
18. Heraclides, A. (2002). 'Partition, Autonomy, Secession : The Three Roads of Separatism'. *Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien* (34): 149–174.
19. Hooghe, L. (1993) *Belgium from Regionalism to Federalism*. *Political Economy Research Group. Papers in Political Economy*, 43. London.
20. Jennes G. (2014) 'Has Belgian Fiscal Decentralisation Reduced the Size of Government and Budget Deficit?'. Working Papers of VIVES – Research Centre for Regional Economics, Leuven.
21. Keating M. (2007) *Federalism and the Balance of Power in the European States*. OECD. Available at: <https://www.sigmaxweb.org/publications/37890628.pdf>.
22. Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies*, New Haven: Yale University Press.
23. Medeiros M. (2017) 'The Language of Conflict'. *Ethnicities* 17(5): 627–645.
24. Mnookin R.H. (2007) 'Ethnic Conflicts: Flemings & Walloons, Palestinians & Israelis'. *Daedalus* 136(1): 103–119.
25. Nouwen R. (2020) 'De Romeinse weg Tongeren-Maastricht ter hoogte van Blaar'. *Tongerse Annalen* (2): 4–11.
26. Popelier P. (2020) 'How dynamic federalism sheds new light on the Belgian federalism-confederalism debate', *Fédéralisme Régionalisme*, 20. Available at: <https://popups.uliege.be/1374-3864/index.php?id=2041>.
27. Sinardet D. (2013) 'How Linguistically Divided Media Represent Linguistically Divisive Issues. Belgian TV-Debates on Brussels-Halle-Vilvoorde'. *Regional & Federal Studies* 23(3): 311–330.
28. Van Havere, T., Wils, K., Depaepe, F., Verschaffel, L. (2017) 'Flemish students' historical reference knowledge and narratives of the Belgian national past at the end of secondary education'. *London Review of Education* 15(2): 272–285. DOI: 10.18546/LRE.15.2.10
29. Van Leeuwen M., Maas I., Hin S., Matthijs K. (2019) 'Socio-economic modernization and enduring language barriers: choosing a marriage partner in Flemish communities, 1821–1913'. *The History of the Family* 24(1): 94–122.
30. van Velthoven P. (2012). *Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte*. Soesterberg, Uitgeverij Aspekt.
31. Vandenberghe M. (2022) 'Power-Sharing and the Paradox of Federalism: Federalization and the Evolution of Ethno-Territorial Conflict in the Case of Belgium (1979–2018)'. *Ethnopolitics* 22(5): 485–506.
32. Verbeke A.-L., Euwema M. (2010) 'Negative and Positive Roles of Media in the Belgian Conflict: A Model for De-Escalation'. *Marquette Law Review* 139–171.
33. Vos L. (1998) 'Nationalism, Democracy and the Belgian State'. *Tijdschrift over de geschiedenis van de Vlaamse beweging* 57(2): 103–106.
34. Xhardez C. (2020) 'Divided Belgium: Flemish nationalism and the rise of pro-separatist politics', In C. Kostov (ed.) *Separatism and Regionalism in Modern Europe*. Berlin: Logos Verlag, pp. 33–157.

SEPARATISM IN BELGIUM: KEY FACTORS GOVERNING WALLOON-FLEMISH DISCREPANCIES

Dr **Egor A. SERGEEV** – Associate Professor, Department of World Economy, Associate Professor, Department of European and American Studies, Senior Research Fellow, Center for European Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID 0000-0001-9964-9595. E-mail: sergeev.e.a@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received January 18, 2024 Accepted February 25, 2024

Abstract: The study is devoted to a retrospective analysis of separatism in Belgium and its development given the existing ethnic conflict between Flemish and Walloons. The research depicts the historical and contemporary dynamics of the problem. The aim of the study is to identify major factors that contributed to aggravation of the ethnic conflict and institutionalization of separatism, as well as influenced the further transformation of the separatist discourse in the country. To achieve this goal, the author uses an interdisciplinary approach with the use of historic, political science and economic categories and methods. The methodological basis of the work is formed by modern theoretical views on the types and causes of separatist sentiments, as well as options and strategies for dealing with the problem. The study relies on qualitative historical methods, it also uses statistical analysis, data from sociological surveys, and analyzes a wide range of documents, including the programs of political parties. One might argue that the evolution of ethnic separatism in Belgium was influenced by the following factors: linguistic division (as a fundamental precondition of the conflict), the factor of elites (which determined the main vector of the separatist discourse), the external factor (which contributed to the formation of Flemish separatism), the economic factor (which gave an impetus to the institutionalization of the country's division) and the 'institutional' factor itself. The latter is understood as the formation of ethnic groups in the country that are actually isolated from one another at the expense of the development of a full-fledged system of regional and community institutions. This factor seems to be extremely important, as it contributed to the 'freezing' of the ethnic conflict and at the same time incorporated a large number of imbalances associated with ethnic division into the system of consociational democracy. As a result, the stabilization of the conflict was achieved at the expense of destabilizing the central government in the country. In the modern political system of Belgium, the separatist discourse is widely instrumentalized. The ideas of dividing the country and reforming the state structure are gradually losing their impetus due to the emergence of new problems (migration, economic crisis, anti-establishment sentiments) and changing priorities of the right-wing political forces.

Keywords: separatism, Belgium, federalization, Flanders, Wallonia, ethnic conflict, party system

References:

1. Alen A. (1993) 'Nationalism–Federalism–Democracy: The Example of Belgium', *European Review of Public Law* 5(1): 41–88.
2. Billiet J., Maddens B., Frogner A.-P. (2006) 'Does Belgium (still) exist? Differences in political culture between Flemings and Walloons'. *West European Politics* 29(5): 912–932.
3. Caluwaerts D., Reuchamps, M. (2015) 'Combining Federalism with Consociationalism: Is Belgian Consociational Federalism Digging its Own Grave?'. *Ethnopolitics* 14(3): 277–295.
4. Caluwaerts, D., Reuchamps, M. (eds). (2022) *Belgian Exceptionalism: Belgian Politics Between Realism and Surrealism*. Routledge, 2022.
5. Cook B. A. (2002) *Belgium: A History*, Peter Lang.
6. Covell M. (1981) 'Ethnic conflict and elite bargaining: The case of Belgium'. *West European Politics* 4(3): 197–218.
7. Dandoy R., SinarDET D. (2021) 'The separatism debate in Flanders: Actors and Arguments', In A. Eppler, C. Jeffery (eds) *Qualified Autonomy and Federalism versus Secession in EU Member States*. Innsbruck: Lütgenau, pp. 187–201.
8. Erk J., Anderson L. M. (eds). (2010) *The paradox of federalism: Does self-rule accommodate or exacerbate ethnic divisions?* Routledge.
9. Godefroid K. (1895) La frontière linguistique en Belgique et dans le nord de la France. In: *Mémoires couronnés et autres mémoires publiés par l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique*. Collection in-8°. Tome 48.
10. Heraclides, A. (2002). 'Partition, Autonomy, Secession : The Three Roads of Separatism'. *Cahiers d'Études sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien* (34): 149–174.
11. Hooghe, L. (1993) Belgium from Regionalism to Federalism. *Political Economy Research Group. Papers in Political Economy*, 43. London.
12. Jennes G. (2014) 'Has Belgian Fiscal Decentralisation Reduced the Size of Government and Budget Deficit?'. Working Papers of VIVES – Research Centre for Regional Economics, Leuven.
13. Keating M. (2007) *Federalism and the Balance of Power in the European States*. OECD. Available at: <https://www.sigmaxweb.org/publications/37890628.pdf>.
14. Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies*, New Haven: Yale University Press.
15. Medeiros M. (2017) 'The Language of Conflict'. *Ethnicities* 17(5): 627–645.
16. Mnookin R.H. (2007) 'Ethnic Conflicts: Flemings & Walloons, Palestinians & Israelis'. *Daedalus* 136(1): 103–119.
17. Narochnickaya E.A. (2015) 'Mnogoobraznyj separatizm: Problema tipologii i evropejskoj real'nosti' [Diverse Separatism: The Problem of Typology and European Reality], *Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe]* (6): 32–55. (In Russian).
18. Nouwen R. (2020) 'De Romeinse weg Tongeren-Maastricht ter hoogte van Blaar'. *Tongerse Annalen* (2): 4–11.
19. Oskolkov P.V. (2021) 'Etnoregional'nyj separatizm v Evrope: dezintegraciya protiv integracii?' [Ethnoregional separatism in Europe: disintegration vs. integration?]. *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]* 12(3): 59–71. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-3-59-71 (In Russian).
20. Oskolkov P.V. (2017) 'Pravyj populizm v stranah Benilyuks v sravnitel'noj perspektive' [Right-wing populism in the Benelux countries in a comparative perspective], *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* (5): 54–62. (In Russian).
21. Oskolkov P.V., Tevdoj-Burmuli A.I. (2023) 'K voprosu o diskursivnyh parametroh tipologizacii politicheskikh partij' [To the question of discursive parameters of the typologization of political parties]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]* 67(5): 57–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-57-68 (In Russian).
22. Pirenne, A. (2001) *Srednevekovye goroda Bel'gii [Medieval Cities of Belgium]*. Saint-Petersburg, Eurasia. (In Russian)

23. Popelier P. (2020) 'How dynamic federalism sheds new light on the Belgian federalism-confederalism debate', *Fédéralisme Régionalisme*, 20. Available at: <https://popups.uliege.be/1374-3864/index.php?id=2041>.
24. Prohorenko I.L. (2018) *Evropejskaya integraciya i problema separatizma v gosudarstvachlenah Evropejskogo soyuza [European integration and the problem of separatism in the member states of the European Union]*. Moscow, IMEMO RAN. (In Russian).
25. Sinardet D. (2013) 'How Linguistically Divided Media Represent Linguistically Divisive Issues. Belgian TV-Debates on Brussels-Halle-Vilvoorde'. *Regional & Federal Studies* 23(3): 311–330.
26. Turov N.L. (2021) *Fenomen separatizma v sovremennom mire [The Phenomenon of Separatism in the Modern World]*. Moscow, INION RAN.
27. Van Havere, T., Wils, K., Depaepe, F., Verschaffel, L. (2017) 'Flemish students' historical reference knowledge and narratives of the Belgian national past at the end of secondary education'. *London Review of Education* 15(2): 272–285. DOI: 10.18546/LRE.15.2.10.
28. Van Istendael, G. (2021) *Bel'gijiskij labirint [The Belgian Labirinth]*. Moscow, Ves' Mir Publishing. (In Russian).
29. Van Leeuwen M., Maas I., Hin S., Matthijs K. (2019) 'Socio-economic modernization and enduring language barriers: choosing a marriage partner in Flemish communities, 1821–1913'. *The History of the Family* 24(1): 94–122.
30. van Velthoven P. (2012). *Franstaligen tegen Vlamingen: hoe België als natie mislukte*. Soesterberg, Uitgeverij Aspekt.
31. Vandenberghe M. (2022) 'Power-Sharing and the Paradox of Federalism: Federalization and the Evolution of Ethno-Territorial Conflict in the Case of Belgium (1979–2018)'. *Ethnopolitics* 22(5): 485–506.
32. Verbeke A.-L., Euwema M. (2010) 'Negative and Positive Roles of Media in the Belgian Conflict: A Model for De-Escalation'. *Marquette Law Review* 139–171.
33. Vos L. (1998) 'Nationalism, Democracy and the Belgian State'. *Tijdschrift over de geschiedenis van de Vlaamse beweging* 57(2): 103–106.
34. Xhardez C. (2020) 'Divided Belgium: Flemish nationalism and the rise of pro-separatist politics', In C. Kostov (ed.) *Separatism and Regionalism in Modern Europe*. Berlin: Logos Verlag, pp. 33–157.